

МИРОЛЮБИЕ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВИКИНГСКИХ САГ

А. Б. ЕРЁМЕНКО

*Институт
славяноведения РАН*

*e-mail:
lomegil@gmail.com*

Рассмотрены представления о моральной категории «миролюбие» в викингских сагах – группе саг о древних временах (*fornaldarsögur Norðurlanda*), позднего и слабо исследованного вида исландских саг. Герменевтический анализ нарратива показывает, что миролюбие играет важную роль в этической системе взглядов, формирующих сюжеты саг данного типа, несмотря на то, что тематика этих текстов посвящена воинским походам и сражениям. Понятие миролюбия является аспектом более обширной категории «умеренность», фундаментальной для скандинавского общества, и тесно связано с концептами мудрости и христианского смирения, однако не может быть сведено только к результатам христианизации, будучи имманентным для скандинавского общества с эпохи викингов. Кроме того, на примере категории «миролюбие» показаны прагматические коннотации представлений о морали в викингских сагах, что является принципиальным отличием от этики Нового времени.

Ключевые слова: история ментальности, Средние века, Исландия, этические представления, этика, мораль, викингские саги, саги о древних временах, умеренность, миролюбие, прагматизм.

Саги о древних временах (*fornaldarsögur Norðurlanda*), в состав которых входят викингские саги, – один из основных видов саговой литературы. Как отмечала Э. Мундаль, данный вид саг может быть использован как источник информации при исследовании истории ментальности¹, и в частности, в сфере древнеисландских представлений о морали. Исландская средневековая этика остается мало разработанным направлением научных изысканий², и такой источник, как саги, предоставляет непростой, но потенциально весьма информативный материал, по сути, уникальный для Средневековья.

В данной работе мы остановимся на «миролюбии» – одном из аспектов комплексной категории «умеренность», игравшей, по мнению большинства исследователей, важнейшую роль в древнескандинавских представлениях о морали³. Для отраженного в сагах мировоззрения умеренность была особенно важна: не случайно они содержат большой комплекс связанных с ней понятий⁴. Основным из них было понятие *hof* («сдержанность», «умеренность»), но сюда относились и уже названное миролюбие, а также мягкость, смирение и рассудительность⁵, вместе образующие

¹ О том, в каких областях научного знания саги о древних временах могут быть востребованы, см. Mundal E. Fornaldarsögene – vurderinga og vurderingskriteria // Fornaldarsagornas struktur. P. 25–36. Э. Мундаль особо отмечает ценность этого вида саг как источника сведений о менталитете средневековых исландцев.

² Среди основных работ можно назвать: Toorn M.C. van den. Ethics and Morals in Icelandic Saga Literature. Assen, 1955; ibidem. Über die Ethic in den Fornaldarsagas // Acta philologica Scandinavica. 1963–64. Bd. 26. P. 19–66; Guðrun Norðal. Ethics and Action in Thirteenth-Century Iceland. Odense, 1998, а также дискуссию 1960–70-х годов, прежде всего: Hermann Palsson. Siðfríði Hrafnkels sögu. Reykjavík, 1966; Lonnroth L. The Noble Heathen: A Theme in the Sagas // Scandinavian Studies. Lawrence, Kansas, 1969. Vol. 41. P. 1–29; Andersson T.M. The Displacement of the Heroic Ideal in the Family Sagas // Speculum. Vol. 45, No. 4. Cambridge, Mass., 1970. P. 575–593.

³ Hermann Palsson, Edwards P. Legendary Fiction in Medieval Iceland. Reykjavík. 1971. P. 115; Hermann Palsson. Art and Ethics in Hrafnkel's Saga. Copenhagen, 1971. P. 75; Vestein Olason. Dialogues. P. 174; Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т.1. С. 178.

⁴ Brennu-Njals saga, 70: *s? tarröf* (нарушение мира), 122: *s? ttast* (примиряться), 145: *s? tt* (мир), *s? ttast*, *trygg?ir og gri?* (зд.: перемирие); Gunnlaugs saga Ormstungu, 1: *hofsma?ur* (умеренный человек), *hogu? r* (кроткий; спокойный); Halldors ?attur Snorrasonar hinn si?ari, 3: *v? g?* (зд.: рассудительность); Hrafnkels saga Freysgoða, 16: *g? fr* (мягкий), *h? gr*; ?orsteins ?attur Stangarhogg, [1]: *stilltr* (спокойный). Эти термины – не совсем этическая категория, но стремление к миру имеет четкую этическую окраску – ср. действия Халля с Побережья в «Саге о Ньяле» (Brennu-Njals saga, 145).

⁵ М.И. Стеблин-Каменский отождествляет понятия «сдержанный» и «миролюбивый» в родовых сагах: Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 190.

сложную этическую категорию, смысл которой состоял в стремлении к миру и отказу от насилия, если не абсолютному, то максимально возможному. Многие исследователи считают роль категории «умеренность» в скандинавской культуре результатом христианского влияния⁶, однако умеренность рассматривалась как значимая добродетель и в языческую эпоху, поскольку она была связана с социальными реалиями древне-скандинавской жизни: существовавшее в непростых экономических условиях исландское общество с трудом могло позволить себе масштабные конфликты между своими представителями, и поэтому в нем естественным образом высоко ценилась способность – и желание – избегать распрей, в которые вовлекалось множество людей, что было неизбежно в родовом социуме без центральной власти, но с тесными родственными связями и относительным равенством между его членами⁷.

В настоящей статье внимание будет уделяться прежде всего проявлению рассматриваемой категории в сюжетах саг и в непосредственном поведении персонажей, вне зависимости от того, используется ли в самом тексте саги в данных ситуациях термин «миролюбие» или какой-то из его синонимов. Приоритет герменевтического анализа над терминологическим объясняется тем, что, как отмечал известный исландский саговед Вестейнн Оуласон, «идеи не представлены в сагах как абстракции, но скорее проявляются как могущественные силы, влияющие на жизнь и поведение индивидуумов», и это касается в первую очередь моральных принципов, которые часто «не проговариваются, или описываются только частично»⁸.

Ключевые персонажи «Саги о Торстейне, сыне Викинга»⁹, конунг Ньёрфи и его соратник ярл Викинг, связаны узами побратимства и тесной дружбой. Однако их сыновья Торир, Йокуль и Олав конфликтуют друг с другом из-за своего социального статуса, что приводит к распре между Йокулем, третьим сыном Ньёрфи, и Ториром с Торстейном. Их борьба составляет содержание основной части саги.

Викинг и Ньёрфи проявляют миролюбие, стремясь сначала предотвратить конфликт между своими сыновьями, а затем минимизировать его последствия. Для Ньёрфи и Викинга приоритетом здесь является не месть, а сохранение их дружеских отношений – их они ценят выше родственных связей, и ради них идут на взаимные уступки. Даже когда Йокуль нападает на Викинга, последний, одержав победу, вновь проявляет миролюбие: все выжившие участники войска Йокуля получают пощаду и отсылаются домой с подарками. Ньёрфи уравнивает это ответным проявлением миролюбия, полностью принимая сторону Викинга в его конфликте с Йокулем и угрожая сыну выступить против него.

Торстейн, Викинг и Ньёрфи поступают в саге в соответствии с требованиями этической категории миролюбия и пытаются, хотя в данном случае безуспешно, транслировать эту модель поведения своим родственникам, которые совершают моральную ошибку, поскольку проявляют чрезмерную гордыню в отношении друг с другом, что неизбежно приводит их к конфликту. Областью применения данной этической категории здесь является такая сфера общественных взаимоотношений, как месть.

⁶ Hermann Palsson. Art and Ethics; Lonnroth L. The Noble Heathen; Schach P. Some Observations on the Generation-Gap Theme in the Icelandic Sagas // *The Epic in Medieval Society: Aesthetic and Moral Values* / H. Scholler. Tübingen, 1977. P. 361–381; Ciklamini M. Sturla Sighvatsson's Chieftaincy. A moral probe // *Sturlustefna: Ra?stefna haldin a sjo alda arti? Sturlu ?or?arsonar sagnaritara 1984* / Ritsjorar Gu?run Asa Grimsdottir, Jonas Kristjansson. Reykjavik, 1988. P. 222–241; Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий. М., 2002. С. 72–73.

⁷ Andersson T.M. The Displacement; Vilhjalmur Arnason. Morality; Gunnar Karlsson. Dygg?ir og lestir i ?jo?felagi Islendingasagna // *Timarit Mals og menningar*. Bd. XLVI. Reykjavik, 1985. Bls. 9–19; Gu?run Nor?al. Ethics.

⁸ Vesteinn Olason. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of Icelanders. Reykjavik, 1998. P. 166.

⁹ ?orsteins saga Vikiingssonar // *Fornaldarsogur Nor?urlanda* / Utg. av Gu?ni Jonsson, Bjarni Vilhjalmsson. Reykjavik, 1944. Bd. II. Bls. 185–246. Сага датируется примерно 1300 годом; здесь и далее все датировки даны по: Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 15–16.

Одна из основных сюжетных линий «Саги о Хрольве Гаутрекссоне»¹⁰ строится вокруг попыток титульного персонажа сосватать Алоф, дочь вымышленного конунга Гардарики (т.е. Руси) Хальвдана, за своего брата Кетиля. Ближайший соратник конунга Торир верно предугадывает, что им не под силу победить Хрольва, и поэтому он советует своему правителю принять его предложение, поясняя, что это в его же интересах. Хальвдан отвергает этот совет и начинает битву с войском Хрольва, в которой Хрольв начинает побеждать, после чего Алоф просит Торира все же помочь ее отцу. Тот сначала отказывается, однако в конце концов против воли все же соглашается, поскольку ранее обещал Алоф выполнить одно любое ее желание. Хрольв и Торир оба избегают боя, но все же вынуждены сразиться между собой. Победа в схватке и в бою, как и предсказывал Торир, достается Хрольву, но последний, несмотря на это лечит раны Торира и берет его к себе на службу, удовлетворяя при этом его просьбу не причинять вреда его конунгу Хальвдану.

В данной ситуации Торир ставит миролюбие выше своей репутации, не побоявшись оспорить решение конунга и, более того, отказаться поддержать его, когда тот продолжил упорствовать. Это могло бы рассматриваться как предательство, но на самом деле таковым не является, поскольку Торир стремится защитить интересы конунга, который не понимает, что его желание сохранить независимость дочери неуместно и вредит ему самому. В то же время, когда его предложение отвергнуто, Торир вправе считать себя свободным от своих обязательств перед Хальвданом, так как его подчинение правителю не абсолютно: отношения конунга и его подданных определяются набором правил, которые Хальвдан нарушил, не приняв совет Торира. В то же время отказ Торира поддержать конунга имеет целью во многом показать ему его ошибку, хотя Хальвдан все равно не желает осознать правоту своего сторонника.

В результате вмешательства Алоф у Торира возникает конфликт мотиваций – обязательства сдержать свое слово с одной стороны, и этической позиции, т.е. стремления к миру, – с другой. Прямое обязательство (слово, данное девушке) получает приоритет над более общими соображениями (миролюбием), и поэтому Торир все же вступает в бой с Хрольвом, хотя в итоге они находят способ разрешить ситуацию компромиссом, который устраивает все стороны.

Конфликт, в который вовлечен Торир, характерен для эпических произведений, в том числе древнескандинавских¹¹: герой вынужден делать выбор между своими обязательствами и своей этической позицией. Как и персонажи эпоса, он остается верен своему слову, хотя и не считает, что поступает правильно. Впрочем, в отличие от эпоса, история Торира не заканчивается трагически – прежде всего благодаря тому, что его главный противник разделяет его взгляды и помогает Ториру выйти из ситуации, сохранив принципы и жизнь.

В данном случае носителем этически «правильной» – с точки зрения составителя саги – модели является Торир, который пытается указать на ошибку своему конунгу, априори расценивающему женихов своей дочери как людей, уступающих его семье по достоинствам и социальному положению и, как следствие, воспринимающему сватовство как заведомый ущерб своему статусу. В результате Ториру удается добиться своей главной цели, не допустив непоправимых последствий для себя и своего конунга – они оба остаются живы, хотя их борьба с Хрольвом и наносит им ущерб. Таким образом, ключевые действующие лица здесь связаны отношениями вертикального подчинения «вассал-сюзерен» (причем миролюбие и мудрость проявляет именно вассал), а применяться миролюбие в данном случае должно в сфере брачных отношений и сопряженного с ней изменения общественного статуса (браки могут повысить или понизить общественное положение любой из сторон, однако, как показывает поведение Алоф и ее отца, оценка этого изменения может быть субъективной).

¹⁰ Hrolfs saga Gautrekssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda. Bd. III. Bls. 45–151. Сага датируется концом XIII в.

¹¹ Ср., в частности, пример Хагена из «Песни о Нибелунгах», отправляющегося на верную смерть, чтобы не проявить трусости.

В начале «Саги об Эгиле и Асмунде»¹² Асмунд, который является предводителем отряда викингов, прибывает в Руссию, государство (вымышленного) конунга Хертрюгга, и остается на зимовку, оплачивая свое пребывание в стране. Позднее в Руссию приплывает и Эгиль, который начинает грабить страну. Асмунд вызывается помочь урегулировать конфликт и отправляется на встречу с Эгилем. При этом он отказывается обеспечить себе численное превосходство, а при встрече предпринимает попытки уладить дело миром. Эгиль проявляет к Асмунду симпатию и предлагает в ответ побрататься и напасть на Хертрюгга. Договориться им не удается, и они решают разрешить свой спор поединком. В нем побеждает Асмунд, который, однако, щадит Эгиля, предлагает ему побратимство и договаривается с конунгом Руссии о том, что Эгиль будет выполнять обязанности хранителя земель Хертрюгга.

Решение Асмунда сразиться с Эгилем объективно является проявлением умеренности, поскольку Асмунд находит способ разрешить ситуацию так, чтобы защитить интересы Хертрюгга и компенсировать нанесенный ему урон (Эгиль поступает на службу к конунгу), но при этом не причинить при этом Эгилю непоправимого вреда. С викингами, которые проявляют агрессию, персонажи рассматриваемого типа саг чаще всего ведут борьбу на полное уничтожение – такие примеры отражены даже в данной саге¹³, – и в этом смысле поведение Асмунда нетипично.

Асмунд же стремится не просто остановить Эгиля, уничтожив его (хотя Асмунд, победив его, показал, что в состоянии это сделать), но указать ему на ошибочность его поведения и, по сути, побудить его к раскаянию. Его действия имеют направлены на то, чтобы донести до Эгиля этическую неверность его действий¹⁴, хотя для этого Асмунду сначала приходится доказать свое воинское превосходство. Впрочем, внешнее воздействие не является единственным фактором, обуславливающим перемену в действиях Эгиля: Асмунд демонстрирует элементы модели поведения, свойственной типу персонажей *exempla majorum*¹⁵, т.е. показывает Эгилю этический образец, который тот усваивает и начинает ему следовать.

Ключевые персонажи – Асмунд и Эгиль, – здесь принадлежат к одной социальной группе – викинги, или воины/военачальники, – и это, как следует из саги, является достаточным основанием для того, чтобы носитель этически правильной модели считал своей задачей транслировать эту модель тому представителю группы, который ее неверно понимает, невзирая на риск, с которым это сопряжено. При этом Асмунд полностью преуспевает за счет своей воинской доблести. В данном сюжете миролюбие предполагается проявлять в имущественных отношениях, которые должны быть основаны на честном экономическом взаимодействии (Асмунд платит за зимовку), а не праве сильного (Эгиль грабит землю Хертрюгга).

«Сага об Одде Стреле»¹⁶ описывает распрю титульного персонажа с Эгмундом Флоки, который должен отомстить Одду за его грабительский поход в Бьярмаланд. Эгмунд тяготеет своей задачей и стремится уладить распрю миром, однако Одд жаждет мести за убитого Эгмундом побратима и поэтому не прекращает своих попыток уничтожить врага, что каждый раз приводит к смерти близких Одда. Несмотря на то, что сам бог Один предсказал Одду, что человеку не под силу лишить жизни Эгмунда, все же Одд не оставляет своих попыток на протяжении почти всего действия саги, игнорируя все предложения Эгмунда закончить дело миром. Это приводит к смерти практически всех близких Одда, но только в самом конце Одд признает, что не сможет уничтожить Эгмунда, и примиряется с ним.

¹² Egils saga einhenda ok Asmundar berserkjabana // Fornaldarsogur Norðurlanda. Bd. III. Bls. 155–189. Сага датируется XIV веком.

¹³ Ibid. Bls. 165–166.

¹⁴ Ibid. Bls. 158–160.

¹⁵ Об типе персонажей *exempla majorum* в исландских сагах см.: Lonnroth L. The Noble Heathen; Ерёмченко А.Б. «Благородный язычник» в сагах о древних временах (на примере «Саги о Хальвдане Эгстейнссоне» // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 года. Материалы конференции. М., 2005. С. 80–82.

¹⁶ Orvar-Odds saga // Fornaldarsogur Norðurlanda. Bd. I. Bls. 283–399. Сага датируется второй половиной XIII века.

В тексте саги Одд выступает как борец с роковой предопределенностью – человек, сильный духовно и физически и не желающий уступать ни перед чем, в том числе и перед самой судьбой¹⁷. Однако в течение своей жизни Одд неоднократно сталкивается с ситуациями, на которые он никак не может повлиять, прежде всего со смертью близких людей – своих побратимов. Против смерти Одд, несмотря на все свое могущество, бессилён, и гибель побратимов является платой, которую Одд вынужден отдать за то, что бросает судьбе вызов – прежде всего в виде стремления непременно убить Эгмунда Флоки. Таким образом, Одд проявляет неумеренность, и весь сюжет текста описывает его путь именно к признанию ограниченности своей силы и прекращению противостояния с мирозданием¹⁸. Борьба с Эгмундом показывает ему важность смирения, за отказ от которого Одд сначала был готов платить такую цену, как жизнь своих близких.

Действующим лицом в этом эпизоде является представитель социальных верхов – Одд не имеет высокого происхождения, однако обладает непревзойденными воинскими способностями и добивается высокого общественного статуса. Сюжет саги посвящен его внутренней моральной эволюции, в ходе которой он осознает пределы своей силы и необходимость ее ограничения, поскольку в противном случае как он сам, так и окружающие терпят урон. Областью приложения этической категории здесь является месть, что связано с вопросами социального положения – невозможность осуществить месть Одд рассматривает как ущерб своему статусу воина.

Несмотря на свою воинскую сюжетику, викингские саги отражают четко выраженный идеал миролюбия. Для его достижения от персонажей требуется воинская удаля – т.е. героям рассматриваемых текстов приходится останавливать агрессоров, применяя силу, однако при этом конечной целью персонажей является не триумф над противником, а установление мира: победа служит только средством для реализации более глубокой с этической точки зрения задачи.

В рассмотренных нами сагах речь обычно идет о транслировании «правильного» этического идеала от человека, разделяющего этот идеал, к человеку, его не осознающему, причем объект и субъект трансляции могут быть связаны любым из основных типов общественных отношений – они могут являться родственниками, выступать как правитель и вассал или принадлежать к одной социальной группе. Возможна и внутренняя эволюция персонажа, в рамках которой он сам приходит к осознанию важности миролюбия. При этом область применения данной этической категории охватывает широкий спектр общественных взаимодействий – в частности, совершение мести, матримональные и имущественные отношения, вопросы личного статуса.

Дидактический момент в рассматриваемых текстах представлен слабо, и поэтому не представляется возможным однозначно ответить на вопрос, в какой степени присутствие в них этической категории «умеренность» является влиянием христианской культуры или отражением общественной структуры и социальных проблем древнеисландского общества. Однако данное положение дел только подтверждает ту мысль, что речь идет о ключевой этической категории – поскольку викингские саги отражают лишь самые общие и фундаментальные этические представления средневекового исландского социума.

Особенностью представлений о миролюбии, отразившихся в викингских сагах, является также наличие важной прагматической составляющей. Интерес к реализации собственных целей не подменяет у персонажей стремление следовать этическим нормам, но такое следование в представлениях авторов викингских саг было неразрывно связано, или, во всяком случае, должно было быть связано с получением некоего реального результата, в котором были заинтересованы действующие лица. Это расходится с представлениями об этике, принятыми в современном обществе, где выполне-

¹⁷ Toorn M.C. van den. *Über die Ethic*. S. 57, 58.

¹⁸ Одд, подобно многим другим некрещеным скандинавам (ср. *Olafs saga helga*, CCXV), верит только в собственные силы: *Orvar-Odds saga*. Bls. 383.

ние моральных установок является самоценным и не предполагает обязательного материального вознаграждения¹⁹. Насколько можно судить, грань между «как правильно» и «как выгодно» у исландцев высокого и позднего Средневековья была выражена довольно слабо.

DESIRE FOR PEACE IN THE ETHICAL SYSTEM OF THE VIKING SAGAS

A. B. EREMENKO

*Institute for Slavic Studies,
Russian Academy
of Sciences*

*e-mail:
lomegil@gmail.com*

Described is the perception of peacefulness as a moral category as presented in the Viking sagas – a group of the sagas of ancient times (*fornaldarsögur Norðurlanda*), a late and poorly researched type of Icelandic sagas. Hermeneutical analysis of the narrative shows that desire for peace plays a substantial role in the perception of ethics that forms the plots of these sagas, being a part of a greater category of moderation and having close ties with the concepts of wisdom and Christian humility, although not reducible to results of Christianization alone, having deep roots in native Scandinavian culture that reach as far back in time as the Viking age. The example of peacefulness also allows to illustrate the pragmatic connotations of moral in the Viking sagas, which constitutes a crucial difference from the ethics of the Modern age.

Key words: history of mentality, Middle Ages, medieval studies, Iceland, ethical system, ethics, moral, Viking sagas, *fornaldarsögur Norðurlanda*, moderation, peacefulness, pragmatism.

¹⁹ MacIntyre A.C. *After Virtue. A Study in Moral Theory*. London, 1982. Применимость взглядов Макинтайра на этику скандинавских саг доказана Вильхьяльмуром Ауртнасоном (*Vilhjalmur Arnason. Morality and Social Structure*).